

84(2) = 71 3 6 4
Ш 16

Зоя Шадрина

**Такая
короткая
долгая
жизнь**

84(2=411.2)6кр

Ш 16

Зоя ШАДРИНА

Такая короткая долгая жизнь

~ 139.598-

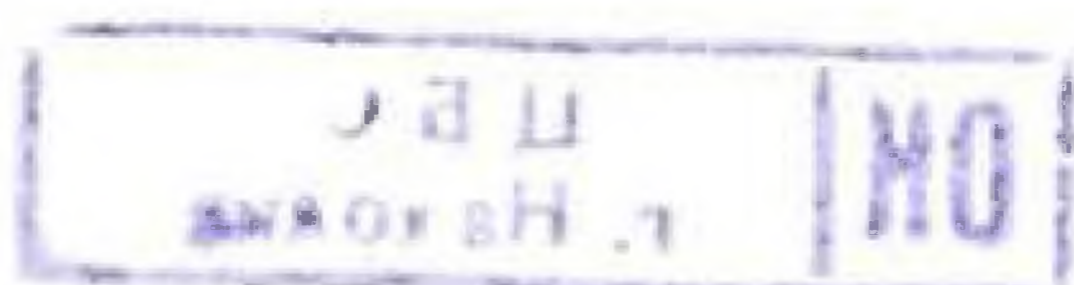
Библиотека-музей
г.Находка

Владивосток
2011

ОН | ЦБС
г. Находка

Новая повесть Зои Михайловны Шадринной посвящена жизни обычных советских людей, которые восстанавливали страну после Великой Отечественной войны, строили города, осваивали новейшие производства. Язык повести «Такая короткая долгая жизнь» незамутнен, прост, внятен. Сюжет динамичен, привлекателен.

© Шадринна З. М., 2011
© Оформление. Типография
ОАО «Дальприбор», 2011

Краткая предыстория

С каких времен существует фамилия Рябинкиных, женщины этой фамилии вряд ли знают. А передаётся она именно по женской линии. Клавдия Рябинкина, рождённая в конце тридцатых годов, получила фамилию от бабушки, о которой знала совсем немного.

Бабушку звали Анной. Во время первой мировой войны она родила дочь Полину от австрийского военнопленного. Жили они тогда где-то в западных районах России или на Украине. Потом, в голодные и суматошные годы, переехали на Дальний Восток к родственникам, которые ещё раньше во времена столыпинских переселений основались в Приамурье, недалеко от Хабаровска.

Полина, мать Клавдии, родившаяся в 1916 году, осталась сиротой. Об отце знала очень немного. Однажды услышала, как тётка, двоюродная или троюродная сестра матери, ворчала:

– Понаехали тут, нахлебники, нам и самим-то жрать нечего. – Не успела Полина открыть рот, как родственница добавила с издевкой:

– Что, твой австрияк тебя – такую красивую – к себе на родину не забрал? Даже и не искал, наверное. Позабавился с русской девкой и в кусты...

На немой вопрос дочери мать, опустив глаза, ответила:

– Прости, Полюшка. Война была. Кто знает, может, твоего батьки и в живых-то нет. А человек он хороший. Так уж случилось...

Всеобщая коллективизация охватила всё сельское население советской России. Здоровье Анны Рябинкиной, подорванное голодом и далеко не женским трудом, угасало. Похоронив мать, по возрасту ещё совсем молодую женщину, Полинка перебралась в город. Вернее, её деревенские родственники переправили пятнадцатилетнюю сироту к городской родне: им нужна была нянька.

Дальние родственники оказались людьми вполне порядочными. Хозяин дома занимал неплохую государственную должность, жена служила в отделе образования. Они определили Полинку в вечернюю школу. Девчонка общительная, сообразительная, она быстро и без проблем влилась в молодёжный коллектив.

Тридцатые годы. Сложные годы. Страна пережила голод и стремительно развивалась. Рабочие руки оказались в цене. Полина приобрела рабочую профессию строителя, но учиться продолжала. Жила в рабочем общежитии, а связь со своими городскими родственниками не теряла. Она на всю жизнь запомнила, что добрых людей больше.

Учёба, работа, комсомольские нагрузки не оставляли времени на личную жизнь. Но молодость никто не отменял. И она, наконец, заметила парня, который смотрел на неё влюблёнными глазами. Девчонка поняла: пришла её весна любви, противиться которой нельзя. Избранника Полины звали Павлом Осокиным.

Вторая половина 30-х годов... Сейчас тридцатые стали величиной нарицательной. Ими пугают современных молодых людей, об этих годах говорят, как о годах репрессий и гонений. Но тогда как же страна к началу сороковых вошла в историю как индустриальная держава? Неужели только на костях репрессированных? Наверное, сложно судить об этом времени. В мире всегда существует Зло и Добро, как есть ночь и день...

Полина и Павел расписались, и молодым выделили комнату в общежитии. Свадьбу и новоселье отпраздновали одновременно. Пришли друзья и подруги. Стол накрыли сообща: принесли всё, что было у каждого в запасе. Через неделю Полина познакомила мужа со своими городскими родственниками.

Вскоре комсомольско-молодёжная бригада Полины в полном составе уехала на строительство нового города на Амуре, который так и называли: Комсомольск-на-Амуре. Павел, хоть и не состоял в бригаде Полины, попросил направление вместе с женой. Хорошие механики всегда были в цене. Заводское начальство запротестовало, но пошли навстречу молодым. Там и жильё скорее получают.

Но где-то через полгода комсомольца Павла Осокина вызвали в военкомат. Он пришёл домой грустный. Его срочно посылали на курсы обучать молодых артиллеристов. Пришла новая техника, в которой разбирались такие спецы, как Павел. Он гладил Полину по очень заметно выпирающему животу и ласково-виновато говорил:

– Ну, я скоро вернусь или тебя к себе заберу. Ты почему паспорт не сменила? Не хочешь стать Осокиной? – Он нарочито нахмурился.

Полина тупо уставилась в пол. Павел, чтобы успокоить любимую, негромко продолжил:

– Самое главное, не будь одна. Нужно, чтобы рядом кто-то был, смог тебе помочь. Не переживай, я постараюсь всё устроить побыстрее. Плохо, что нет твоих родственников. По-моему, они у тебя люди хорошие. Жаль, что познакомились как-то второпях.

Полина и Павел просидели весь вечер, прижавшись друг к другу. Почти не говорили, но каждый из них думал, что время, в которое они живут, летит с ускорением, что всё делается, и правда, на лету, второпях. И люди словно торопятся не отстать от времени. Когда они были у кого-то в гостях? Разве что в Новый год. Но это скорее праздничная суета, а не тихая беседа в кругу хороших друзей, пусть даже и с застольным весельем.

...Разлука получилась долгой. Во всём чувствовалось приближение сурового военного времени. А Полина, так и не поменяв паспорт на новый, родила свою Клавочку под фамилией Рябинкина.

Войну предчувствовали, но пришла она внезапно. Павел успел заехать домой. Он успокаивал жену:

– Ну Рябинкина так Рябинкина. Главное, что мы с тобой расписаны, и в метриках у дочери я отцом числюсь. Это хорошо. Все льготы, положенные жене и дочери фронтовика, вы получать будете, а остальное не так уж и важно. Ну а если что со мной...

Полина не дала Павлу договорить, зажала его рот рукой:

– Ну что ты такое говоришь? Не смей даже думать. Ты вернёшься, а мы тебя, женщины твои, будем очень ждать.

Дочь так и осталась Рябинкиной. А может, из суеверия: раз родилась под такой фамилией, так и пусть остаётся. Да и фамилия-то красивая. Она и сама, хоть приняла в загсе фамилию мужа, для всех так и осталась Полиной Рябинкиной. А потом, когда на мужа похоронку получила, и при очередной паспортной реформе, и вообще вернула себе девичью фамилию, чтобы не спрашивали, чего это они с дочерью на разных фамилиях.

На работе Полина достигла определённого положения. Во время войны работала прорабом строительного комбината, а потом, уже после войны, стала начальником строительного участка. Для женщины пост весьма солидный. Умела Полина Григорьевна без мата и крика потребовать и настоять на своём. За это уважали её рабочие, и начальство отступало перед неоспоримыми аргументами грамотного специалиста.

Строили много – и до, и после войны. На строительство нового городка-посёлка для горняков Полина вызвалась добровольно. Она думала о дочери: после школы ей можно поехать учиться в Хабаровск. Здесь, в Комсомольске, где прошли их скоротечные дни с Пашей, воспоминания бередили сердце Полины.

Расслабиться мораль не разрешала. Женщинам приходилось бороться с природными инстинктами. Но природа жёст-

ко наказывала таких. Как не причёсывались и не подкрашивались женщины, никакая помада не могла скрыть скорбные складки и увядающие, нецелованные губы. Никакая пудра не могла загладить сетку морщин у глаз.

Мимолётные встречи на курортах или тайные свидания с мужчинами добавляли лишь горькие складки на лице. Неудовлетворённость личной жизнью делала характер неустойчивым. Женщина становилась желчной, раздражительной, ироничной даже в кругу близких людей. А наедине сама с собой под рюмку водки могла поплакать, пожалеть себя. Но и только.

У Полины была её Клавдия, и это давало ей силы жить. Хотя случались мгновения, когда она думала: «Вот была бы я сейчас свободной женщиной...» Она в ужасе обрывала свои мысли, боясь представить, что могла жить без доченьки, своего света в окошке.

Она стыдила себя за эти мысли, ведь многие женщины не получили и того, что имеет она. В её жизни был любимый мужчина, есть дочь. У многих нет даже этого. Кто-то не успел до войны выйти замуж по малолетству, или по поговорке: «куда спешить, успеется». А вот и не успелось.

...Новый городок новосёлы назвали Таёжный. Уж больно поправилось им место, отвоёванное у тайги, но и сохранённой ими. Лес берегли свято и беспрекословно. Шутили:

– Человек дымит, а лес его от дыма спасает!

Клавдия

Хоть и охраняли мамки своё племя, рождённое перед войной, но и малышам выпало пережить военное лихолетье. Может, чувствовали, понимали дети, какое трудное выпало время их матерям. Они как-то быстро выросли.

И у Клавочки Рябинкиной было всё, как у большинства погодков. Ясли, садик, школа. А это значит, и октябрёнком

побывала, потом в школе на торжественной линейке её приняли в пионеры. А в седьмом классе девчонка вступила в комсомол.

Начальную школу Клавочка окончила ещё в Комсомольске, а продолжила учёбу в Таёжном. Отца Клавдия почти не помнила. Похоронка пришла в сорок третьем. Мать не вышла замуж, отдавала себя работе и дочери. Только повзрослев, Клавочка ужаснулась и однажды спросила Полину:

– Ма, а почему ты замуж не вышла? Ведь ты ещё такая молодая была, – и вздохнув, добавила: – Да ты и сейчас у меня самая красивая.

Полина печально пожала плечами.

– За кого выходить-то было? Кто с войны вернулся? Кого-то уже ждали, кто-то выбирал себе помоложе.

Она подошла к окну, уставилась невидящими глазами в пространство. Голос печалился:

– А те, кого никто не ждал, доживали свой век в инвалидных домах или пили горькую до последнего своего дня. Не случилось мне встретить такого, кто мне моего Пашеньку заменить бы смог.

Села рядом с дочерью, обняла за плечи:

– Знаешь, еду я тут в пригородном в Хабаровск, а по вагону в тележке на подшипниках с медалями на груди и с гармошкой катит мужичок, песни фронтовые поёт. Ему подаю. Я отвернулась. Не люблю я таких: насобирает и пропьёт. А рядом бабуля сидит, меня за рукав дёрнула. Говорит: «Ты нос-то не вороти. Его жена в доме инвалидов нашла и домой увезла. Они на радостях-то троих ребятёнков и родили. Вот теперь он им на прокорм и собирает. Ты, наверно, не часто ездешь. А мы его все тут знаем, потому и подаём. Государство ему пенсию как инвалиду войны платит. Да велики ли эти деньги? А он молодец, что не на пропой собирает, а деток своих кормит». Я тогда отдала ему все лишние деньги. Только на дорогу оставила. Хотела в городе купить что-то тебе, себе. Подумала, что мы без этого обойдёмся.

Клава слушала, а Полина засмеялась и договорила:

– Ладно, не горюй. Нам ведь с тобой и одним хорошо. Вот скоро ты замуж выйдешь, внуков мне родишь. И стану я счастливой бабушкой. Может, хоть у тебя будет всё, как у людей. Войны нет, всё тихо и мирно. Надеюсь, надолго.

Размечталась Полюшка. Накрыла на стол, и сели они с дочерью ужинать. Только в глазах тлела не проходящая печаль.

Студентка Рябинкина

Прошли-пробежали школьные годы Клавдии Рябинкиной. В выборе профессии она давно определилась. Будет строителем, как её родители. Документы подала в строительный техникум. Хотелось скорее получить диплом и стать самостоятельной. Может, и мама Поля наконец-то выйдет замуж. Одиночество – страшная штука. Не будет рядом дочери, тогда и поймёт какво одной-то.

«Нет, мама останется для меня самым близким человеком – это не обсуждается. И всё-таки она должна понять, что у дочери начинается самостоятельная, взрослая жизнь...»; – так думала Клава. Она вовсе не хотела услышать от состарившейся матери упрёк: «Я тебе жизнь отдала, а ты...»

Девчонке были знакомы такие семейные разборки. Нет, Клавочка просто очень хотела видеть маму Полю счастливой женщиной, ведь ей всего-то сорок один год. Так рассуждала выпускница средней школы, шагая на первый экзамен по математике.

Она не провалила экзамена, но не набрала несколько баллов. Было стыдно: ведь в школе была одной из первых. Хотя дело не в её знаниях. Почему в тот год все кинулись именно в техникумы, объяснить трудно. В буфете, куда Клава зашла, чтобы перекусить, не хватало мест. Она увидела, что кто-то машет ей рукой.

Клавдия протиснулась к столику и увидела ассистентку, помогавшую преподавателю на экзамене по физике. Педагог никак не хотела ставить Клавдии высший балл, а молодая помощница тихо возмущалась. Чем руководствовалась экзаменаторша? Только из-за этой оценки Клава и не поступила в техникум.

Ассистентка заговорила первая:

– Я помню тебя. Меня Юлей зовут. Ты не сердись на Инессу. Она мне потом сказала, что принимать надо городских, им общежитие не нужно, что общежитие при техникуме не резиновое.

Она говорила что-то ещё, и Клава понимала, что с ней обошлись несправедливо. А Юля, увидев насупившуюся девочку, решительно сказала:

– Ты вот что. Забирай документы, зачётку и поехали со мной. Я учусь в политехническом институте на строительном. Только у меня экономическое отделение, – Юля улыбнулась. – Ты строить будешь, а я подсчитывать в какую копеечку твоё строительство выльется. Понимаешь, в политене нынче недобор. Вы же все в техникум кинулись. Быстрее спецами захотели стать? У меня отец преподаёт на нашем факультете физику. Сдашь ещё пару экзаменов, и будешь учиться в институте. Тебе ещё те, кто в техникум поступил, позавидуют. Надо торопиться, пока другие о недоборе не узнали.

Новая подружка ещё что-то щебетала, пока они ходили по канцелярским кабинетам. Оказалось, что Юля всего-то на два года старше Клавы. А ещё, что её деды были тоже строителями и начинали строить посёлок Таёжный. Они наверняка знают маму Полю. Вот уж верно: не знаешь, где найдёшь, где потеряешь. Так, потерявшая было надежду поступить в техникум, Клава Рябинкина стала студенткой института.

А Полина действительно знала родителей Юлии Красновой. Старшие Красновы уже не работали на производстве, зато преподавали на курсах молодого строителя при строительном комбинате. После знакомства младших членов се-

мыи Георгий Евграфович и Надежда Васильевна Красновы стали встречаться с Полиной и в домашней обстановке.

Коллективная работа

На новом месте Полина начинала с прораба, но и должность начальника участка получила скоро. Характеристика следовала за Полиной по пятам. Но бумага и есть бумага. Её начальство очень скоро почувствовало, что Полина не только красивая женщина, но ещё и очень грамотный специалист. А её умение отстаивать своё мнение ценилось особенно.

Главный инженер Иван Матвеевич Зуйков давно приглядывался к Полине и удивлялся её энергии, а главное – находчивости. Однажды, подписывая какую-то бумагу Полине, проворковал с улыбкой:

– И за что я тебя люблю, Полюшка? Будь ты моей женой, – он лукаво подмигнул и расхохотался, – быть бы мне у тебя подкаблучником!

Полина шутку приняла и парировала:

– Ну что вы, Иван Матвеевич, быть под каблуком больно и неудобно. От таких жён мужья рано или поздно уползают. Я бы вас мягкой домашней тапочкой придавила-приласкала. От меня бы не уползли.

Она взяла подписанный документ и, улыбаясь, вышла из кабинета. А начальник, глядя ей в след, приговаривал:

– Вот за что я люблю тебя? А за твой здравый ум. И пошутить, и огорошить, да так, что и темечко почесать хочется.

Он ещё долго сидел, задумавшись.

На участке Полины мастером по бетону работал Василий Семёнович Коньшев. Когда Полина с дочерью приехали в Таёжный, он уже работал на стройке. Специалист – хоть куда – в полном смысле слова. Казалось, не было того, в чём бы он не разобрался. Молодёжь называла его просто Семё-

нычем. Добрый, отзывчивый, исполнительный, Василий Семёнович словно закрылся от всех, ушёл в себя и хранил свои душевные тайны в одиночестве. Знали, что, он потеряв семью в оккупации, после войны перебрался из Курской области на Дальний Восток. Жил в общежитии, стоял в очереди на однокомнатную квартиру. С мужиками не пил, с женщинами был улыбчив, внимателен, но и только.

Над ним пытались подшучивать, но натыкались на суровый и, казалось, больной взгляд и отступали даже самые непонятливые и дотошные шутники. Со временем попросил отдельную, хоть и самую крохотную комнатку. Говорил с комендантом тихо, виновато опустив глаза в пол:

– Отдохнуть хочется после шумной работы. На фронте контужен неоднократно, голова побаливает. Я понимаю, что привилегию прошу. Настаивать не стану, но... если можно.

На первом этаже имелась маленькая комнатка, заваленная всяким хламом. Даже окно заколотили досками из-за отсутствия рамы. Комендант, Анна Селиванова, отдала ключи от кладовки Василию.

– Приведёшь в божеский вид и владей. Давно надо было подойти ко мне. Что вы, фронтовики, такие не смелые в жизни?

Когда Полина затеяла строительство домика на дачном участке, Семёныч сам вызвался помочь залить бетонный фундамент.

– Оно, конечно, домик не дворец, но фундамент нужен. Бетон не сгниёт от сырости и кирпич от влаги оградит. Но и тут норму знать необходимо.

В помощники напросилась вся бригада девчат-отделочниц. Строили по вечерам и выходным шумно, весело, с песнями, шутками. Домик получился небольшой, но очень уютный. Пристроили деревянную верандочку и устроили пир.

Не успели девчата уместиться за самодельным столиком, как к даче подкатила полупторка со списанной общежитской мебелью. Комендантша Анна Селиванова, женщи-

на лет сорока, проворная, смешливая, выпрыгнув из кабины, закричала:

– Что, без нас решили отпраздновать?! Не выйдет! Григорьевна, принимай пожитки! Какие-никакие, а в хозяйстве пригодятся! А если в компанию примите, то и постельное от меня принимай!

Из кузова неуклюже спустился Семёныч. Он едва заметно прихрамывал на правую ногу. Ходил бойко, а вот спрыгивать так же бойко или не мог, или опасался. Оказывается, это он попросил Анну поделиться с Полиной списанной общежитской рухлядью:

– Я что надо подправлю, подремонтирую. Одна женщина крутится, дочку воспитывает. Вдова. Кто пожалеет, если не те, кто рядом?

Анна лукаво глянула на просителя, улыбка растянула сочные губы:

– Ой, гляди Коньшев, не подкатить ли к Полинушке удумал? Она у нас невеста – хоть куда, да больно строга с мужиками, особенно с жалельщиками.

Василий ответил развеселившейся женщине:

– Какой из меня жених? Просто человек она хороший, а для себя и за себя просить не умеет. При её-то должности могла бы и не такой домик отгрохать за счёт стройки. А она за весь материал свои денежки выложила. Лично знаю. Таких во все времена было немного. Таким помогать сам бог велел.

Весёлая женщина, перестав улыбаться, смотрела на Василия Семёныча с удивлением: надо же, разговорился. Она никогда не слышала длинных и проникновенных речей от своего тихого жильца:

– Да ладно, как скажешь. Пойдём на склад, сам и выберешь, что нужно. Не жалко мне. Всё равно в костёр да на металлолом уйдёт.

Отремонтированную Василием мебель дружно внесли в домик. На веранде установили теперь уже настоящий, крепкий стол, и пир продолжился. Василий Семёнович хотел

было, уехать с водителем в посёлок, но женщины, дружно ухватив его за пиджак, усадили на им же отремонтированную табуретку.

Водитель, молодой, только вернувшийся из армии парень, уминал кусок рыбного пирога, посмеиваясь над женской суматохой, разворачивал машину на дорогу. Солнце августовского дня стояло ещё высоко. Женщины шумно веселились за праздничным столом. Много ли надо человеку для хорошего настроения? Повод повеселиться, чуть-чуть хмельного зелья и вкусная еда.

Семёныч за столом посидел недолго, побродил по огороду, а потом и вовсе куда-то исчез. Женщины, разгорячённые выпитым, не сразу хватились единственного мужчины. Обнаружили его сладко спящим на диванчике в домике. Видно, сморила его жара летнего дня и стопка водки.

Будить не стали, прибрали со стола и шумной толпой направились в посёлок. Анна сказала:

– Завтра выходной, пусть отдохнёт на природе. И чего это он один да один? Работающий, добрый. Баб одиноких – пруд пруди. Выбирай – не хочу. А он...

Первое знакомство

На следующий день Полина отправилась на дачу утром пораньше. До жары надо многое успеть. Ещё на подходе увидела, что Семёныч орудует тяпкой: чистит борозды. Дымит печурка, им же сработанная. Увидел хозяйку, засмутился:

– Не думал, что после вчерашнего торжества вы на даче появитесь. А я вот по крестьянскому труду соскучился. Ничего, что похозяйничал? Там на плите – чайник ещё горячий, и еды со вчерашнего много осталось. Да и я ещё чайком побалуюсь.

Он говорил много, словно боялся остановиться. Полина развеселилась:

– Василий Семёнович, так это же здорово! Давно в моём

хозяйстве мужчины не было. Вот и славно, помощникам всегда рада.

Они пили чай, наводили порядок в огороде, обедали, всё время о чём-то говорили. День в разговорах и огородных хлопотах промелькнул незаметно.

Вот и солнышко к горизонту покатило. Два немолодых и нестарых ещё человека сидели на веранде. Со стороны могло показаться, что это обычная супружеская пара трудится на своём земельном участке в выходной день.

А им и впрямь не хотелось, чтобы этот день так быстро закончился. Полина спрашивала себя: «Что это с тобой девонька? Вон какие женихи тебе знаки внимания оказывали...». Но именно от этого простого с виду мужика веяло теплом. Ей хотелось уронить голову на его плечо и забыться тихой радостью, в кои-то веки почувствовать себя просто женщиной. Она не понимала и не принимала слов: «сильная», «слабая». Ей хотелось быть обыкновенной женщиной.

Женское чутьё подсказывало Полине, что и он тянется к ней, и только врождённая робость, или ещё что-то такое, сдерживало Василия, не позволяло перешагнуть порог дозволенного. Может, боялся властного характера независимой, самостоятельной и от этого недоступной женщины. Боялся услышать из её уст насмешку.

А Полина вдруг сказала, как бы между прочим:

– Ну что, работничек, поехали домой. Смоём пот под душем, позавтракаем и отдохнём. Завтра рабочая неделя начинается. Мимо общежития пойдём, зайди, возьми там во что переодеться.

Она говорила и сама не слышала себя, удивлялась спокойному голосу и продолжала, словно боялась собственных слов. А он, пытаясь разрядить обстановку, вступил в разговор:

– Я клубничку спелую собрал, зелени пощипал. Там, в сумке всё. Давай поспешим, а то солнышко на закате.

Они несмело, завуалированно переходили на «ты», не решаясь ещё назвать друг друга по имени. Но вступительная

речь Полины уже подвела обоих к определённой черте отношений. У общежития они остановились. Василий шагнул к входной двери:

– Ну ладно, иди, я скоро. Я приду.

Он исчез в коридоре общежития, а Полина, словно только что опомнилась и начала осознавать случившееся, пошла дальше, к своему дому.

Задавала ли женщина себе вопрос: «Придёт – не придёт?» Она не защелкнула замок, а только прикрыла за собой дверь. Ей надо быстро принять душ, пока не пришёл Василий.

Полина уже хлопотала на кухне, когда в дверь позвонили. Хозяйка громко крикнула:

– Не закрыто! – И, выглянув в коридор, добавила:

– Давай в душ. Я уже помылась. Ужинать будем.

Полина не узнавала себя. Всё происходящее свершилось будто по какому-то сценарию, заранее продуманному и отрепетированному.

Розовый после душа, гладко побритый Василий выглядел совсем молодо. Они сели за стол. Полина достала из буфета графинчик с наливкой, которую готовила сама из чёрной смородины, разлила по стопкам и со смешинкой в голосе произнесла:

– Ну что, мужчина, за знакомство! Меня Полиной зовут. Можно просто Поля. А тебя?

Он поддержал шутку. Взял её маленькую женскую ручку в свои огромные лапищи, улыбнулся, чуть склонил голову и произнёс:

– Василий, можно просто Вася.

Они дружно расхохотались и приступили к еде. Стало легко. Прошло напряжение неопределённости. Опять о чём-то говорили. Василий остановил поток бессмысленных речей:

– Поля, а ведь мы с тобой совсем ещё не старики. Тебе чуть за сорок, мне чуть за сорок пять, – он остановился и тихо договорил: Хотя, мне иной раз кажется, что я живу целую вечность.

Полине и самой иногда казалось, что она живёт очень давно. Наверное, на их время выпало так много событий, что могло бы хватить не на одну жизнь. И революция, и гражданская, и Великая Отечественная. В первую мировую Василий был ещё совсем ребёнком. Но Курская область расположена так, что войны в России всегда проходили по её землям, а значит, затрагивали судьбы всех: от мала до велика.

... Ужин затянулся. Полина решила не торопить события и не приступать немедленно к расспросу: кто такой, откуда. Того, что она знала о Василии Семёновиче Коньшеве, на сегодня было вполне достаточно. Она решила, что время расставит все точки над «і».

Надо было укладываться на отдых. Тело после работы на даче, теплого душа, ужина со смородиновой настойкой, просило покоя. Полина постелила Василию постель на диване, присела рядышком:

– Вася, я не стану приставать к тебе, как к мужчине. Отдыхай. Решишь остаться со мной, приму в любом качестве. – Она грустно улыбнулась: – Пусто в моём доме. То хоть Клавдия была. А теперь и она только наездами в гости к маме...

Полина поднялась и пошла в спальню. Она боялась выдать свои чувства. Женская интуиция, чутьё, данное ей от природы, подсказывало, что и мужчина, сидящий на диване, чувствует то же самое. И ему хочется женского тепла и ласки, ей даже показалось на миг, что они давно знают друг друга и встретились после длительной разлуки, оттого чувство растерянности владеет ими.

Она легла и выключила свет. Вскоре скрипнула дверь, и она почувствовала его присутствие. Василий сидел на полу, прислонившись спиной к её кровати. Полина дотронулась до его густой шевелюры. Он взял руку женщины, поднёс к губам, прошептал:

– Вот я и пришёл. Принимай жена мужа.

Опьяневший от близости с женщиной, о которой боял-

ся даже помыслить ещё утром, блаженно улыбаясь, Василий рассуждал вслух:

– Почему так получается? Вон сколько кругом женщин, а ты смотришь на одну и радуешься уже тому, что она есть на белом свете. Я не знаю, как ты меня заметила, а я давно увидел тебя, и не было мне покоя всё это время.

Он ещё что-то говорил. А Полина плакала лёгкими слезами на его руке, пока оба не уснули. Если бы не будильник, проспали бы они в то утро и опоздали на работу.

Исповедь на даче

Анна Селиванова первой узнала о том, что два одиночества, Полина и Василий, объединились. Василий принёс ключи от комнатки. На плече висел солдатский вещмешок. Говорил потупившись. Боялся выдать глазами свалившееся на него счастье:

– Я комнату освободил. Спасибо тебе за всё. Понимая, что женщина ждёт от него объяснения, добавил: – К Полине я, Полине Григорьевне...

Он, наконец, поднял на Анну смеющиеся глаза:

– Решили попробовать вместе пожить. Всё равно от вас не утаишься. Да и чего таить-то: ни у кого и ничего не украли. Ну что смотришь? Что, я ей совсем не подхожу?

Анна опомнилась, замахала руками, засмеялась:

– Да что ты, Василий Семёнович! Да как здорово! Так поздравляю...от свадьбы не отвертитесь!

Она ещё что-то тараторила, но Василий сорвался с места и вышел на улицу.

В выходной девчата вместе с Анной нагрянули на дачу к «молодым» и устроили им праздник. Полина смеялась:

– Что-то сплошные праздники: то дачу обмывали, то вот нас с Васей обмыть решили. Спасибо, девчонки! Что бы я без

вас делала? А давайте все летние торжества на даче отмечать. А что? Вместе строили, значит, в чём-то она наша общая.

И только Анна шутливо проворчала:

– Смотри, Полюшка, без урожая оставят. Им только разреши. Знаю я этих непутёвых.

Галинка Лапкина, самая молодая и смешливая в бригаде, спросила:

– Василий Семёнович, не испугался начальницы? – И тут же себе ответила: – Я с Григорьевной познакомилась очень даже интересно. Подошла она незаметно ко мне сзади и мастерок из рук у меня забирает. Я глазом моргнуть не успела, а она раствор зачерпнула и так легко, как-то махом, его на стенку и тут же затирает. А мне говорит: раствор быстроту любит и размах. А то потом кочки свои скоблить будешь или стену неровной сделаешь. Думаю, ничего себе, начальница! Но я её зауважала. Не читала мне лекцию, а просто показала и ушла.

Настёна Заруба растянула губы и пробасила:

– Она и каменщиков учила работать. У Лёшки Митина тоже мастерок отняла, говорит: лишний раствор убрать не поспешишь, девчонки-штукатуры тебя бить будут. Ты же им сплошную мороку оставишь.

– Ну вы прямо мне характеристику на доску почёта сочинили. Я ведь начальницей не сразу стала. Все рабочие профессии строительные прошла. А потом училась много.

Слово взяла Ксюша Наливайко:

– А ещё, Полинушка, характер иметь надо и уметь с людьми разговаривать, – и тут же без перехода, обратив на Василия живые карие глаза, спросила: А правда, Семёныч, что ты качество бетона пальцами определяешь? Бетонщики говорят: бетон пальцем зацепит, разотрёт, к носу зачем-то поднесёт и точные данные выдаст. Точнее всякой лаборатории. И как это у тебя получается?

Василий незамедлительно ответил:

– Ты с моё поработай с бетоном, не то ещё узнаешь. Я с бетоном ещё до войны на Днепрогэсе знакомство свёл, по-

том на войне бетонные укрепления строил. А после войны три года Европу обустроивал.

Девчонки притихли. Они впервые открывали для себя Семёныча, который сегодня казался вовсе не старым для них, двадцати-тридцатилетним. А Василий вдруг продолжил:

– Я ещё вначале сорок пятого узнал, что семьи у меня больше нет, – голос стал глухим. – В дом, где мы только перед войной квартиру получили, во время ночной бомбёжки бомба попала. Никто не уцелел.

За столом воцарилась напряжённая тишина. А Василий встрепенулся, продолжил:

– Так вот, после войны все по домам, а мы, строители, Европу ремонтировать, да строить и восстанавливать остались.

Он словно отмахнулся от назойливой мысли, чуть пригубил из рюмки и заговорил:

– Я бы, может, и сейчас где-то что-то бетонировал там, в Европе. Накрошила война по всем статьям. Да только... В Потсдаме это случилось. Залили бетоном фундамент и ждём, когда схватится. Тут выскакивает какой-то сумасшедший недобитыш и хрясть – гранату в бетон. Хорошо, что не совсем затвердел, а то бы делов наделал больших. Но и этого, конечно, хватило. Очнулся в госпитале. Слава богу, хирурги военные молодцы. Опыт большой. Ногу могли оттяпать напрочь. Они мне её чуть укоротили. Молодой ещё был, срослась прочно. Только чуть хромаю. Прыгать на неё до сих пор побаиваюсь. Отпустили меня тогда домой. А где он мой дом-то? Ни семьи, ни родителей. Всё война уничтожила.

Кто-то хотел перевести разговор, но девчонку придержали. Видимо, настало время Василию Семёновичу стряхнуть печаль-кручину. И он продолжил:

– Заехал я в родные края. Думал, а вдруг девочки мои к старикам в деревню успели перебраться. Нет. К родителям на кладбище ходил, кресты поправил. Во время войны оба умерли. Невмоготу стало мне. Вот и приехал к вам на стройку. Занятие для меня привычное – бетон заливать.

Какое-то время за столом держалось тягостное молчание. Но вот Анна подняла стакан со спиртным, скривила губы, дрогнула всем телом, негромко, но чётко проговорила:

– Ой, чем это нас горьким тут поить собрались?

И в тот же миг прогремело дружное:

– Горько! Горько! А ну, молодые, подсластите нам водочку!

Не успела Полина опомниться, как Васенька обнял её за плечи, повернул к себе – и поцелуй, слаще которого нет ничего на свете, увёл её в сказочный мир. Они целовались ещё пару раз под дружеское и дружное: «Горько!»

Уже вечером дома Василий сказал Полине:

– Спасибо тебе. Я с тобой душой отошёл, согрелся что ли. Жизнь остановить нам не дано. Она продолжается. Теперь ты почти всё про меня знаешь.

Василий задумался на миг:

– Хочется на родину съездить. Ну, когда-нибудь. Может, какой след после моих девочек остался, документ какой. Стеше моей двадцать семь тогда было. Наташе восемь, а Танюшке только-только пять исполнилось. Когда уехал, будто вина на мне повисла.

На миг воцарилась тишина. Глухо прозвучал голос Василия. Будто простонал:

– Корил себя, что бросил девочек своих. А теперь понимаю. Останься я там, мог бы свихнуться, запить. Тут среди людей, в работе как-то справился сам с собой.

Обнял Василий Полину за плечи, прижал к себе:

– Спасибо, Полюшка. Замечал я женские взгляды. Видал, что удивляются. Мужик здоровый, всё вроде на месте, а знакомства близкого с женщинами не заводит. Тебя увидел, сердце ёкнуло. Давно тебя приметил, да не решался и намёком себя проявить. Казалось, красивая, при должности, куда мне до тебя. Когда позвала, даже оробел.

Он замолчал. Заговорила Полина:

– А ведь и моё сердце почему-то именно к тебе, Васень-

ка, потянулось. Последнее время я пугаться стала. Понимаешь, Пашино лицо вспомнить сразу не могу. Время перед войной суматошное было. В Комсомольск приехали, а его в командировку через военкомат призвали: молодых ребят технике обучать. Думали, ненадолго, а тут война. Заехал домой на сутки – и всё. Так что, думаю, вины нашей перед ними нет. Помнить будем, от этого не уйдёшь. Мне вон дочка забыть не даст... – запнулась на полуслове, прижалась крепче к мужскому плечу: – Прости. На родину твою съездим обязательно.

После дачных и домашних откровений стало проще. Ушло из их жизни что-то трудное, что мешало нормальному общению. Словно исповедались друг перед другом, перевернули очень трудную страницу в жизни.

Дети

Полина ждала приезда Клавдии. Этим летом студенты трудились на строительстве колхозной фермы недалеко от Комсомольска. Дочь ещё не знала о переменах в личной жизни своей мамы. Конечно, Полина слегка волновалась, но она знала, что дочь поймёт её. Клава не раз спрашивала мать, почему та столько лет одна.

– Ты у меня такая красивая и молодая. Неужели ни один мужчина не обратил на тебя внимания? Или ты у меня очень разборчивая?

После ужина Василий вдруг завёл разговор о детях:

– Вот я часто думал, что такое дети и зачем они даются человеку. Ну да, инстинкт самосохранения. Для этого природа потрудилась. Самое главное, конечно, материнский инстинкт, телесная любовь. Но есть и ещё что-то такое, что заставляет задуматься. Страх потерять своё продолжение. Животные, птицы и всякие букашки плодятся во множестве,

когда над ними висит страх. Они своим звериным чутьём понимают, что если их много, то всех не изведут: ни человек, ни более сильное зверьё. А человек, существо ещё и разумное, живёт во страхе за своё не такое уж многочисленное потомство. У кого-то вообще дитя единственное и больше бог не даёт. Почему? Тоже загадка. Я ведь тебя не сразу понял. Думал, фифочка в начальницы выбралась.

Не выдержала Полина, спросила:

– Ну и что же мнение твоё, Васенька, изменило?

Василий загадочно улыбался:

– Когда ты кирпич заказала на дачу отвезти. Пришёл к кладовщице и спрашиваю, так, вроде невзначай. Что, говорю, наверное, лом всякий выписала? А та руками машет и говорит: что ты, Семёныч, по полной программе рассчиталась: и за машину заплатила, и за погрузку. И накладные мне в нос суёт. А у самой глаза большие, непонимающие. Вот тогда я к тебе внимательней стал приглядываться. То, что как женщина ты мне приглянулась, тут ничего хитрого нет. Как такая красуня может не приглянуться? Так вот я всё о том же. Страх за детей понятен, но страх перед детьми – это тоже серьёзно.

Допил Василий чай, сел рядом с Полиной на диван:

– Понимаешь, страх запятнать ребёнка бесчестным поступком. Был у меня случай, когда мне напарник предложил цемент налево пустить. Ты, говорит, только глаза закрой, а мы и без тебя управимся, а долю свою получишь. Не знаю, я как-то машинально отказался, а он мне: конечно, у тебя дармоедов-то нет, тебе не для кого стараться. Это он, Поля, собственных детей дармоедами назвал, а может, и родителей заодно.

Долго молчал Василий.

– А я понял тогда, что не мог опозорить своих, даже уже погибших девочек. А может, именно потому, что они мне в глаза с презрением поглядеть не смогут. Чуть в морду этому паразиту не дал. Да вовремя свою кувалду утихомирил. От

моего кулака мог и не очухаться. Перешёл он тогда от меня на другой участок. А я и не держал его. Заявление подписал и объяснять вышестоящим ничего не стая, хотя в рабочих руках нуждался. Научит чему его жизнь или нет? Если он лишён совести, то это даже не инвалид, а пропащий человек.

Неоконченная мысль просила продолжения.

– Понимаешь, если бы и вправду его близкие с голоду пухли, я бы постарался ему помочь чем мог. Да, бедно живём и долго ещё богато жить не будем, но это вовсе не повод совестью торговать. Работа есть, в деревне старики огород имеют, хозяйство держат.

Он словно оправдывался и ждал, как к его мнению отнесётся Полина. Она вступила в разговор незамедлительно:

– Ты прав Вася. Я ещё заметила такую закономерность: чем больше человек имеет, тем больше теряет над собой контроль. Это как зараза какая. Он даже не задаёт себе вопрос: а зачем мне столько, куда мне всё это? Он уже не видит удивлённых глаз соседей и знакомых, а если видит, то думает: завидуют, что у них этого нет. Неудачниками считает, а то ещё и лентяями неповоротливыми. Я рада, что мы с тобой в этом едины.

Василий захохотал:

– И даже в этом, Полинушка моя!

Он подхватил её на руки и шагнул в спальню:

– Скучаю по тебе постоянно. Почему мы так долго искали друг друга?

Интимные отношения уже взрослых людей хороши их спокойной силой, осознанностью духовных связей. В них нет юношеского суетного азарта, после которого хочется скорее отключиться и уснуть. Зрелая плоть ещё долго находится в состоянии блаженства от телесной близости.

... В последних числах сентября приехала Клавдия. Хоть дочь и желала матери личного счастья, но на Василия первое время смотрела насторожённо, если не сказать подозрительно. Так устроен ребёнок, особенно привыкший считать себя

«пупом земли» для своей любимой мамочки. Да, она говорила и не один раз о мамином одиночестве. Но это лишь слова. И совсем другое, когда рядом с мамой появляется человек, готовый это одиночество с ней разделить. Вдруг просыпаются эгоизм и ревность, затмевающие на какое-то время рассудок. Хорошо, если только на время, а не становится разрушающим фактором отношений между родителем и ребёнком.

Но, слава богу, замешательство Клавдии длилось недолго. Она вдруг вспомнила соседку ещё по Комсомольску, которая кричала своей взрослой дочери:

– Я тебе всю жизнь отдала! Из-за тебя за хорошего человека замуж не вышла! А ты, неблагодарная!..

А дальше крик переходил почти в нецензурную брань и рыдания. Может, мама Поля и не стала бы свою доченьку так укорять, но осознание того, что из-за неё она может упустить единственный в своём роде шанс и не устроить свою личную жизнь, отрезвили Клавдию и примирили её с произошедшим.

Мамин избранник казался Клавдии несколько неуклюжим, простоватым что ли. Ей хотелось видеть рядом с мамой изящного, даже щеголеватого спутника и почему-то непременно в очках. Она хохотнула про себя: «А ещё и в шляпе!» Но, присмотревшись и пообщавшись с Василием, девчонка поняла, что не так уж прост этот большой с огромными рабочими руками человек.

Вздохнула доченька, обняла маму и, обращаясь к обоим, изрекла мудрые слова:

– Ну ладно, живите. Вам не скучно и мне спокойнее. Дядя Вася, ты теперь для мамы и защита и оборона. С тебя и спрос.

Все трое долго и дружно смеялись. А Василий, вытирая слёзы, торжественно обещал наказ падчерицы исполнять:

– Конечно, Клавочка, пусть только кто-нибудь на нашу мамочку косо глянет, – он сжал ладонь в увесистый кулак и погрозил невидимому неприятелю. – Будет иметь дело со мной. Да и тебя, при надобности, защитит сумею.

На этом и порешили. Провожали дочь на учёбу с полными сумками огородной продукции. В городе Клаву должны были встретить подруги-друзья из общежития. Грустно, но и легко уезжала дочь на занятия в институт. С маминым замужеством она и сама словно стала взрослей. Её успокаивало то, что в их маленькой семье появился взрослый и надёжный мужчина, который взял на себя заботу не только о маме Поле, но и о ней, дочери его любимой женщины.

А что мама Поля любимая женщина, сомневаться не приходилось. Надо было видеть, как светились теплом и нежностью глаза мужчины, обнимавшего за плечи её маму. Ну что же, надо принимать жизнь со всеми её неожиданностями и поворотами. Так решила Клавдия, окончательно благословив и одоблив мамин выбор.

... Василий всё больше удивлял Полину своими неожиданными выводами из жизненных наблюдений. Она чувствовала: что-то томит его, какая-то недосказанность иногда останавливала Васеньку, и он, словно споткнувшись, останавливался на полуслове и углублялся в себя.

Однажды разговор зашёл о родственных связях:

– Знаешь, Полюшка, выходит, что из моих корней я один остался. Старики сгорели вместе с моим потомством. Два брата, ещё неженатые на войне погибли. Сестёр у меня не было.

Василий тупо уставился в пол и замолчал. Разговор подхватила Полина, ещё не понимая сути недосказанных Василием мыслей:

– У меня и подавно никого нет, кроме Клавочки. Отец-австриец оставил нам с дочерью волосы. Мама говорила, что волосы с рыжеватым оттенком и кудряшками на лбу, висках, шее – это от него. Бабушку я не помню...

Василий словно проснулся:

– Клавочка твоя – это росточек, который продолжит твою жизнь. Наверное, главное предназначение человека в том и есть, чтобы жить дальше в своих детях, внуках – и так до бесконеч-

ности. И неважно, вспомнят ли тебя твои предки. Главное, что ты сама живёшь в них. Вот и твой отец, даже если ты его не знаешь, всё равно оставил тебе свои приметы.

Он дотронулся рукой до лёгкой, шелковистой волны Полининых волос:

– Может, эта метка ещё долго будет жить в его потомках.

Догадалась и сердцем поняла Полина печаль своего Васеньки, затосковал голос:

– Вася, мне трудно об этом говорить, но, может, ты ошибся в выборе своей спутницы?

Она прижалась к его плечу, в глаза заглянуть побоялась, голос осип до шёпота:

– Может, тебе Ксюшу надо было в жёны позвать? Молодая, здоровая – кровь с молоком. С ней вы родили бы ещё не одного...

Поля не договорила. Василий зажал ей рот поцелуем, почти задохнувшись в нежности, пророкотал:

– И думать не смей ни о чём таком. Я, как то чудище из сказки, умру без тебя на другой же день.

Он держал свою Полинушку в объятиях и целовал её мокрое от слёз лицо. Не пыталась высвободиться Поля из родных и любимых объятий. Шептала:

– Поздно, наверное, мне рожать. Да и смогу ли? Страшно мне Васенька, любимый мой. Страшно. Не думала, что женщина во мне оживет. Ты вернул. А матерью стать ещё раз... Смогу ли, сумею ли?

Уже ночью, разомлевшие, обессиленные и счастливые, решили не ворошить эту тему. Прошептал Вася Полинушке на ушко:

– Жизнь сама распорядится и подскажет, как быть дальше. Зачем судьба даровала мне жизнь? Зачем пересеклись наши пути-дорожки? На всё это может ответить только время. Одно знаю: ты и только ты – моя радость. Ты мой покой и моё счастье.